

Сетевое пространство: новые ресурсы и жанровые формы

DOI: 10.18721/JHSS.11202
УДК 808; 304.2

ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАРРЕСИИ

Г.Л. Тульчинский

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Анализ динамики содержания публичного дискурса в связи с развитием пандемической коронавирусной инфекции в первые месяцы 2020 года позволяет глубже понять изначальные особенности социальной коммуникации. В этих процессах формируется и транслируется осмысление реальности, которое всегда делается с какой-то позиции. Процесс формирования и трансляции самосознания (самости) есть ни что иное как именно позиционирование такого осмысления. В этом плане любой контент социальной коммуникации в каком-то смысле фейкоподобен. Поэтому важно смещение акцента в анализе с критериев истинности сетевой информации на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное. Полезным является использование концепта парресии как свободного и ответственного высказывания. Тем самым открываются возможности анализа парадоксальности прав личности на свободу мнения и социальный контроль, а также выстраивания необходимого баланса прав и ответственности в публичной социальной коммуникации. Такой анализ показывает, что коронавирусная пандемия не только полностью вписывается в этот общий глобальный цивилизационный тренд аларма и хорроризации, но икратно его усиливает. При этом параллельно с масштабной хорроризацией прорастает ее альтернатива, ясно выраженная в обозначенной тенденции публичного коронавирусного дискурса. Речь идет о запросе на взвешенное ответственное слово или даже молчание, другими словами – о запросе на проявление в публичном дискурсе личностной свободы как ответственности. В условиях тотальной медиализации в цифровом формате эта ответственность обретает все новые и новые измерения, являющиеся серьезнейшими вызовами традиционным представлениям о морали и праве. В современном цифровизованном информационном обществе позитивная парресия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг «берущих слово».

Ключевые слова: ответственность, парресия, свобода, социальные сети, фейки.

Ссылка при цитировании: Тульчинский Г.Л. Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: возвращение парресии // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 14–29. DOI: 10.18721/JHSS.11202

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

PUBLIC DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC: THE PARRHESIA RETURN

G.L. Tulchinskii

National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

The public coronavirus discourse analysis is important for understanding the characteristics of modern social communication. The content dynamics has specially interest in the first months of the pandemic. In these processes, reality understanding is formed and broadcast. This understanding is done always

from some position, in a certain sense. The self-awareness formation process is nothing more than the positioning of such an understanding. In this regard, any content of social communication in a sense, relatively speaking, is like fakes. Therefore, it is important to shift the emphasis in the analysis from the criteria of the truth of network information to the phenomenon of "taking the word" and responsibility for what is expressed. In this regard, it is useful to use the concept of parrhesia as a free and responsible statement. This opens up the possibility of analyzing the paradoxical nature of individual rights to opinion freedom and social control, as well as building the necessary balance of rights and responsibilities in public social communication. Such an analysis shows that the coronary virus pandemic not only fully fits into this general global civilizational trend of alarm and horrorization, but also strengthened them. At the same time, along with large-scale horrorization, its alternative sprouts, which is clearly expressed in the indicated trend of public coronavirus discourse. This is a request for a balanced responsible word or even silence, in other words – a request for manifestation in a public discourse of personal freedom as responsibility. In the context of total digitalization, this responsibility is taking on more and more dimensions, which are the most serious challenges to traditional ideas about morality and law. In the modern digitalized information society, positive parrhesia is not the privilege of a few, but the moral testing duty of the word-takers.

Keywords: responsibility, parrhesia, freedom, social networks, fakes.

Citation: G.L. Tulchinskii, Public discourse in the context of the coronavirus pandemic: the parrhesia return, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 14–29. DOI: 10.18721/JHSS.11202

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Современное массовое информационное постиндустриальное общество подверглось в 2020 году серьезнейшему испытанию в виде коронавирусной пандемии, фактически повергнувшей в шок глобализированную экономику, ставшей радикальным вызовом как национальным государствам, так и наднациональным политическим и общественным институтам. Это испытание глубоко трансформировало все сферы общественной жизни: политику, экономику, образование, досуг, личную жизнь. Все это с неизбежностью сказалось на способах реализации и (главное) содержании публичной коммуникации.

В динамичной трансформации этого содержания, как представляется, ярко выражены главные тенденции эволюции публичного дискурса последних десятилетий. Осмысление этих тенденций и составляет цель данного исследования. Оно включает три этапа:

- Во-первых, с учетом предыдущих исследований по социальной семиотике, выявлен вектор (тенденция) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальной нормативности на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний), что позволяет констатировать противоречие между институтом прав человека, свободы слова и совести и свободы слова – с одной стороны, и необходимостью жесткого контроля в информационном пространстве, оправдываемого противодействием угрозам личностной и институциональной безопасности, репутации, манипуляциям, обману – с другой стороны. Это порождает запрос на ответственное слово, реализуемый не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам ее ответственно представляющим.

- С учетом этого обстоятельства, во-вторых, проведен анализ динамики содержания публичного дискурса в ходе коронавирусной пандемии 2020 года, показавший, что в масштабной стрессовой ситуации проявляется общая эволюция (стадий) принятия неизбежного от повышенной (преимущественно негативной) эмоциональной оценочности к конструктивному позитивному принятию реальности.

- По итогам проведенного рассмотрения, в-третьих, делается обобщение об ускорении эволюции публичного дискурса к ответственному слову, что позволяет говорить о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие).

Для данной работы ключевым является концепт парресии – ответственной публичной речи (устной и письменной), подробно рассмотренный М. Фуко [1], отказавшим ему в существовании в современных условиях массовых коммуникаций, превращающих коммуникацию в безответственное говорение «обо всем», обилие сознательных и бессознательных фейков, фактически – безответственное публичное словоговорение. Содержание настоящей статьи позволяет скорректировать эти выводы Фуко.

Идея парресии дополняется методологически важным в данном контексте содержанием философии поступка как вменяемого (рационального и ответственного) действия, включая публичную речь, предложенную М.М. Бахтиным [2].

Кроме того, как уже было выше отмечено, автор опирается на круг идей социальной семиотики [3–7] и ее расширение в концепте «глубокой семиотики» (deep semiotics).

В качестве гипотетического допущения выступает утверждение, что в современном публичном дискурсе при общем тренде акцентуации позиционирования личностных эмоционально выраженных мнений и переживаний существует запрос на выражение ответственной публичной речи, который усиливается во время масштабных кризисных ситуаций.

Возвращение парресии, или Фейки как результат позиционирования самости

Термин «парресия» (παρρησία, *parrhēsia*), происходящий от греческих корней *pān* (все) и *ῥήσις* (речь, высказывание), имеет широкий спектр значений: от «говорение всем и обо всем» до «свободы слова». Однако в процессе античных и христианских дискурсивных практик за ним закрепилось применение к ситуации высказывания искреннего, откровенного и ответственного. Анализ этого концепта, проведенный М. Фуко [1], показал, что герменевтика парресии позволяет вывести качества коммуникативного контента за рамки логических и трансцендентальных критериев истинности к прагматическим и этическим контекстам дискурсии. В этом случае акцент переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное, включая то, что способно вызывать негативную реакцию аудитории – как отдельных адресатов, так и целых сообществ, включая гнев и возможные санкции к парресору.

Такой анализ представляется особенно важным и актуальным применительно к современным дискурсивным практикам сетевых коммуникаций, в которых владельцы сетевых аккаунтов получают исключительные возможности «брать слово» – формулировать и представлять свою позицию по самым различным вопросам: от фактов личной жизни до дискуссий на научные, политические и религиозные темы.

Фуко, заставший начало этого тренда, отрицал возможность парресии в современном мире, в котором технологии коммуникации позволяют речи оторваться от истинности, делая речь все более безответственной. Вербальные и невербальные фейки, переполнившие медиа, казалось бы, это подтверждают. Тема пост-правды, индустриального производства фейковой информации, возможности противостоять ей – сверхактуальная. Ей посвящаются конференции, круглые столы, масштабные аналитические исследования. Между тем, как представляется, речь идет о глубокой изначальной особенности коммуникации, которая, благодаря современным технологиям, в первую очередь – Интернету и социальным сетям, вышла на первый план, что позволяет не только по-новому, но и глубже понять природу коммуникативных процессов, транслируемого в них контента, реакций на него.

В терминах социальной семиотики и ее расширения в плане «глубокой семиотики» (deep semiotics) [8, с. 115–125], речь идет о переносе акцента с социальных значений (предметных и ценностно-нормативных) на личностные смыслы, т. е. оценочно-эмоциональные компоненты представляемого и транслируемого смыслового содержания опыта. Если ранее социальная коммуникация преимущественно была связана с выделением и трансляцией социальных значений

— относительно устойчивых образцов, стилей, транслирующих ценностную культуральную нормативность, то в нынешней ситуации речь идет все больше о презентации и трансляции непосредственно самих уникальных личностных переживаний, иногда даже персонально не агрегируемых. Instagram, отчасти Facebook, YouTube являют поток репрезентаций личностных смыслов «от первого лица». Они направлены не столько на порождение некоего опыта сопереживания, сколько на презентацию самих переживаний и их распознавание.

По содержанию такой опыт представляет собой нарративную дискурсивную практику, которая является основой формирования и презентации самосознания — выстраивания наррации «от первого лица», в которой личность предстает актором своей биографии (autobiographically myself), а связность такой наррации представляет память [9, 10]. Реализоваться такая наррация может только в коммуникативных практиках публичной и внутренней речи, описывающей социальный опыт и отношение к нему в процессе социализации и индивидуализации.

При этом важно отдавать отчет, что осмысленная информация как контент социальной коммуникации есть изначально именно порождение наррации «от первого лица». Любой конечной системе (а таковой является и человеческая личность) не доступно бесконечное разнообразие мира. Поэтому она вынуждена постигать это разнообразие всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, в каком-то отношении — в каком-то смысле. Осмысленная информация есть порождение конечной системы, и в каком-то смысле она неизбежно «фейковая», если не изначально, то с возможной позиции оценивания кем-то.

В современной ситуации, фактически, речь идет о широчайших возможностях позиционирования самосознания (идентичности) «от первого лица», погружения его в контекст публичной социальной коммуникации, где оно предстает уже в формате «от третьего лица» (как идентификация), получая обратную связь в виде позитивных и негативных оценок — вплоть до институционального социального контроля [11]. Кроме того, возникает вопрос о спецификации роли социального статуса «взятого слова» на особенности и масштаб формирования смысловой картины мира [12].

Не случайно современные дискуссии выявляют главный этико-правовой, если не антропологический парадокс цивилизационных условий современной социальной жизни. Возможности и право личности на самовыражение своего мнения, своей позиции порождают обилие спорной, неоднозначной, вызывающей сомнение в добросовестности информации, стимулирует индивидуальные и институциональные способы фильтрации такой информации, без которых современная парресия возвращается к одному из своих первоначальных античных значений безответственного «говорения о чем угодно». Следствием чего становится все более жесткий контроль за сетевым контентом.

В результате, в современном обществе, как отмечалось участниками Круглого стола «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности», проведенного Российской ассоциацией политической науки и Высшей школой экономики (Санкт-Петербург, 17-19 октября 2019), в связи с развитием цифровых технологий коммуникации, оперирования большими данными, формированием электронного правительства и т. п. возникает противоречие между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, пост-правды, практиками травли и буллинга) и правом личности на тайну личной жизни, защиту репутации [13, с. 107–120].

Поэтому все более пристального специального внимания заслуживает тема баланса прав и ответственности (моральной и правовой) в практике как пропаганды прав человека, так и организации сетевой коммуникации. В этой связи, как представляется, созревают условия пересмотра оценки Фуко перспектив феномена и концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам. Примером может служить трансформация развернувшегося в 2020 году дискурса коронавирусной пандемии.

Тренд коронавирусного дискурса к социальной ответственности

Материалом для осмысления такой трансформации публичного дискурса в русскоязычном секторе Интернета может служить период с января по май 2020, когда в России пандемия постепенно, но все более очевидно подходила к пику.

Хронология событий этого периода всем памятна. Поэтому можно только вкратце напомнить последовательность событий, становившихся предметом публичного обсуждения. До января 2020 года сообщения об обнаружении в конце декабря в столице китайской провинции Хубэй случаев заболевания пневмонией неизвестного происхождения в публичном информационном пространстве особого внимания не вызывали, т. к. воспринимались как уже ставшие привычными сезонные обострения респираторных инфекций, очагом которых выступают страны Юго-Восточной Азии. 22 января эпицентр инфекции г. Ухань был закрыт на карантин, а 30 января Всемирная организация здравоохранения признала за этой инфекцией опасность международного масштаба. 11 февраля 2020 года, в связи с идентификацией возбудителя (коронавирус SARS-CoV-2), болезнь получила название COVID-19. Поскольку инфицирование быстро распространилось практически на все континенты, чему способствовало интенсивное авиасообщение, 11 марта ВОЗ признала за этой вспышкой статус пандемии. С 13 марта ее центр переместился в Европу.

В России 31 января была закрыта граница с КНР. С 11 марта началось ограничение международного авиасообщения, вплоть до его полного прекращения по ряду направлений. Президентом РФ с 30 марта по 3 апреля была объявлена нерабочая неделя, а затем режим нерабочих дней был продлен включительно до 30 апреля с возможностью продления или сокращения этого режима в зависимости от ситуации. При этом субъектам РФ и органам власти на местах было предоставлено право принимать ограничительные меры и их отмену в зависимости от динамики выявления инфекции и ее последствий.

Объективная картина складывалась неоднозначная: подавляющее число выявленных инфицированных, заболевших (как выздоровевших, так и умерших) приходилось на Москву и Московскую область. Именно в Москве достаточно оперативно были введены карантинные меры, требования к самоизоляции, жесткий контроль с применением сил полиции и Росгвардии для выявления нарушителей и санкций по отношению к ним. В других регионах тестирование стало проводиться существенно позже. Некоторый рост заболеваний пневмонией, по сравнению с прошлым годом, отмечался почти везде, но меры принимались в разной степени более мягкие.

Неоднозначная и неопределенная ситуация с неизбежностью вызвала в публичной коммуникации мощный взрыв контента, посвященного пандемии. Этот контент в считанные дни вытеснил на задний план до этого остро обсуждавшиеся темы падения цен на нефть и курса рубля, а также инициирования Президентом РФ поправок к Конституции, их содержания и процедур принятия. К концу января коронавирус вышел на первый план и уверенно стал главной темой российского медиапространства. Если на 15 января было зафиксировано 1,2 тыс. сообщений об этом заболевании, то 11 марта их было уже 733,2 тыс. А количество публикаций о нем за этот период выросло с 263 до 35,2 тыс. Всего в российских соцсетях с 15 января по 11 марта коронавирус упоминался 13,3 млн раз.¹

По данным «Медиалогии», чаще коронавирус обсуждался в Facebook (38,9 %) и ВКонтакте (20,1 %). Далее следуют Twitter (16,9 %), Telegram (4,0 %), Instagram (3,5 %), YouTube (2,2 %).

Самыми упоминаемыми в соцсетях в период с 30 марта по 5 апреля 2020 года были слова «коронавирус» (11,5 млн сообщений) и «карантин» (10,3 млн). С существенным отрывом за ними следовали другие (но на ту же тематику) слова «пандемия/эпидемия» (3,9 млн), «самоизоляция/оставайтесь дома» (9,4 млн).²

¹ Коронавирус «заразил» соцсети и СМИ // URL: <https://www.mlg.ru/~tfAs9> (Дата обращения: 10.04.2020).

² Слова нашего времени // URL: https://www.mlg.ru/blog/viral_smm/7329/ (Дата обращения: 09.04.2020).

Однако, самое интересное — как менялась эмоциональная окраска наиболее популярных постов. Несмотря на то, что Роспотребнадзор создал общедоступный ресурс, на котором регулярно отражалась динамика развития пандемии в мире и в России³, оценки происходящего были радикально эмоциональны в широком спектре эмоций. Медиа, включая ленту Facebook, Telegram-каналы, оказались переполненными мнениями самозванных экспертов. Их нарративы, большей частью «от первого лица», были оценочно-эмоционально нагружены, что, с неизбежностью, создает питательную среду для фейковой информации. Разобраться в этой какофонии без хорошей навигации мог далеко не каждый, а социальные сети давали возможность делиться это растерянностью, наращивая «снежный ком» социального стресса.

Так, наибольшую вовлеченность (т. е. суммарное количество лайков, комментариев и репостов) вызывали тексты и видео, в которых известные люди делились сведениями, собственными переживаниями. Так, в наиболее популярном сюжете Елена Сажина (565,5 тыс.) рассказывает о том, что от других болезней гибнет больше людей, чем от коронавируса. Медийная персона Ольга Бузова (467,1 тыс.) печалилась о том, что из-за коронавируса ей пришлось отменить поездку с возлюбленным в Париж. В ВКонтакте наибольший интерес (18,8 тыс. пользователей) вызвал пост о заражении коронавирусом Тома Хэнкса с супругой.

Повышенное внимание вызывали посты с мемами, видео, в которых высмеивались паника, ажиотажные закупки. Так, одно только юмористическое видео Андрея Борисова привлекло внимание 479,4 тыс. просмотров⁴. Для сравнения — пост Оперативного штаба Москвы по ситуации с коронавирусом вызвал 317,8 тыс. просмотров.

Проявился и типичный для кризисных ситуаций, порождающих неопределенность, всплеск эзотерики⁵, поиск объяснений в некоем всемирном заговоре, тотальной манипуляции, вмешательстве Божественной Воли, а то и инопланетного разума. В YouTube одним из самых популярных видео о коронавирусе (170,8 тыс.) был рассказ Алексея Навального о том, кто зарабатывает на эпидемии и карантине.

На первый взгляд, вспышка публичной коронавирус-дискурсии подтверждает отмеченную выше тенденцию в условиях персонификации публичной коммуникации трансформации права личности на свободу слова в разрастание фейковых новостей, пост-правды, практик травли и буллинга, угрозу репутации, тайне личной жизни.

Обращение к динамике контента этого всплеска публичной дискурсии показывает определенную структуру этой динамики. Отмеченная трансформация «коронавирусного контента», представленного в медиа, в принципе, совпадает с известными стадиями принятия неизбежного, сформулированными Е. Кюблер-Росс [14]. При столкновении с серьезным неожиданным стрессом, первой реакцией является отрицание, включая иногда и очевидные факты. Причем это отрицание выражается в различной степени: от отрицания самого существования вируса, до принижения значимости инфекции и высмеивания принимающих информацию о ней всерьез. Перед напором фактов отрицание сменяется поиском виноватых, носителей скрытой злой воли, гневных обвинений в их адрес — от внешних врагов (это китайская провокация в борьбе за мировое господство, этот вирус — разработанное США биологическое оружие) до обвинений российской власти в развале здравоохранения и стремлении воспользоваться эпидемией для ужесточения режима.

На смену гневным обвинениям приходит «торг» (это не так страшно, заражения надо бояться только пожилым людям), сменяемый депрессией (надо запастись продуктами, раздобыть на-

³ Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новым коронавирусом // URL: https://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14210&sphrase_id (Дата обращения: 09.04.2020).

⁴ Коронавирус «заразил» соцсети и СМИ // URL: <https://www.mlg.ru/~tfAs9> (Дата обращения: 10.04.2020).

⁵ Шишков А. Может ли вирус войти в Царство Небесное? // URL: <https://www.colta.ru/articles/society/24017-teolog-andrey-shishkov-o-koronaviruse-i-hristianskih-dogmatah> (Дата обращения: 11.04.2020).

дежные маски, перчатки, подумать об отъезде в деревню и т. п.). Характерно, что специалистами отмечалась повышенная депрессивность молодых людей, полагавших первоначально, что они вне группы риска⁶. Именно с этими этапами связан резкий кратковременный публичный конфликт иерархов РПЦ с федеральными и местными властями вокруг доступа в храмы и проведения массовых акций с прихожанами, завершившийся демонстративно публичными действиями иерархов (облет Варсонофием Санкт-Петербурга на вертолете с иконой и объезд Кириллом Москвы в бронированном автомобиле с иконой) и обращением Кирилла с призывом соблюдать требования карантина.

Завершает этот цикл «принятие»: обсуждение обустройства рабочего места «на удалёнке», призывы к следованию рекомендациям специалистов и местных властей, возмущение поведением нарушителей карантина.

В заключительной фазе возникает запрос на ответственное слово. Не только и не столько подконтрольное, сколько ответственное от того же «первого лица». Действительно, с введением длительного карантина в апреле, появились взвешенные оценки принятых решений как не только антикризисных, но и начала формирования институтов ближайшего будущего. Примерами могут служить публикации оценок событий В. Кузьминовым, В. Мау – ректорами ведущих российских университетов⁷. Повышенный интерес вызвала систематически обновляемая подборка ресурса РБК с информацией о том, что происходит в мире вокруг пандемии, с конкретными советами по изменению образа жизни, ведению бизнеса⁸. В спросе оказались материалы опроса экспертов о ситуации с господдержкой бизнеса за рубежом на ресурсе Executive.ru⁹. Медийное пространство все больше наполняется материалами «творческой жизни на карантине»^{10,11}. Это не доступ к фондам, не просто самопрезентации в Instagram и пикировки в Facebook и Twitter, на постах блогеров. Это уже нечто принципиально новое – живое общение и творчество.

Отмеченные этапы, в большей степени, характеризуют публичный коронавирус-дискурс о ситуации в стране и в Москве в общероссийских медиа. В региональных медиа все те же этапы проходили в регионах с неким временным лагом, зависящим от развития ситуации в регионах. Характерно, что на стадии гнева обвинения адресовались Москве и москвичам (коронавирус как «московская зараза»)¹², от сельских жителей – «понаехавшим горожанам». Однако прослеживание этой «фрактальности» предполагает специальное исследование.

Сказанное относится к симптоматике цикла (еще не завершено на всех уровнях) переживания обществом глубокого стресса. Но в этом цикле выражается и более масштабный переход.

Чрезвычайно показательна оценка ситуации, когда компетентные мнения уравниваются с мнениями инфлюенсеров, случайных людей и (псевдо)интеллектуалов, выраженная 24-летним журналистом Кириллом Фокиным:

«Есть ощущение, – пишет он, – что мы (в особенности молодые люди, мои ровесники и вокруг нас) прошли важный этап эмансипации интернетом и свободой слова: и теперь на смену необходимости «обрести голос» и высказать «мнение» должны прийти добродетели новые: умеренность в оценках и адекватность в суждениях. «Говорить!» – необходимо, особенно в условиях такой страны, как Рос-

⁶ Эксперт ВШЭ заявила о смене в развитии ситуации с коронавирусом в России // URL: <https://ria.ru/20200413/1569943348.html> (Дата обращения: 13.04.2020).

⁷ Калоков Е., Доронов И. Мау спрогнозировал мир будущего после победы над коронавирусом // URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/04/2020/5e8355899a7947630847bbb8> (Дата обращения: 09.04.2020).

⁸ Тренды коронавируса // URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5e877a269a79472ff038a0d8> (Дата доступа: 11.04.2020).

⁹ Как помогают бизнесу зарубежные страны во время пандемии // URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/practices/1992204-kak-pomogaut-biznesu-zarubezhnye-strany-vo-vremya-pandemii> (Дата обращения: 11.04.2020).

¹⁰ РБК запустил онлайн-квартирник с артистами и музыкантами в самоизоляции // URL: https://www.rbc.ru/society/04/04/2020/5e7bc11a9a794723edda386f?from=from_main (Дата обращения: 13.04.2020).

¹¹ Russia's 'Isolation Art' Takes the Internet by Storm // URL: <https://www.themoscowtimes.com/2020/04/06/russias-isolation-art-takes-the-internet-by-storm-a69887> (Дата обращения: 13.04.2020).

¹² Московская зараза // URL: https://mirvracha.ru/news/moskovskaya_zaraza-06-04-2020 (Дата обращения: 11.04.2020).

сия-2020, но именно в близких к кризисным ситуациям познается ценность добровольного молчания. Сказать-то всегда есть что – вопрос в том, какой в высказывании смысл и кому оно сможет (если сможет) помочь».¹³

Чтобы разглядеть за этой симптоматикой общий «диагноз», чтобы понять, какие процессы трансформации смысловой картины мира усиливает публичный дискурс в столь критической ситуации, как пандемия COVID-19, важен переход в более широкий контекст публичной коммуникации.

От безопасности к свободе и обратно

Коммуникация обеспечивает формирование общества и социализацию личности. Много зависит от ситуации, в которой социум находится – это определяет ценностно-нормативный контекст, а значит, и интенциональность (модальность) публичного дискурса.

Базовой, первичной ценностью социогенеза является безопасность (жизнеобеспечение). Вместе легче противостоять неопределенности, опасностям, вызовам, угрозам. Вместе легче выжить, прокормиться, вырастить потомство. Эта интенция заложена на генетическом уровне, лежит в основе образования человеческих сообществ.

Как только такое сообщество образуется, в нем возникают неравенства (возрастные, гендерные, имущественные, по привлекательности, по силе и т. п.), что порождает зависть, ресентимент, конфликты. Это активизирует вторую базовую ценность социогенеза – справедливость, стремление жить честно, по правилам. Реализация этой ценности создает нормы (выраженные в привычках, традициях), системы морали и права, институциональную среду в целом.

Нормативная регуляция имеет два вектора. С одной стороны, это социальный контроль, борьба с девиациями. С другой стороны, это степень допущения индивидуального саморазвития, иногда предполагающего творчество, связанное с запросом на уточнение и пересмотр сложившихся представлений и правил (в науке, искусстве, производственной практике, политике, религии, обыденной жизни). Этот второй вектор задает еще одну ценность социогенеза – свободы и прав индивидуальной самореализации.

Большую часть истории человечество обходило в основном пространством реализации ценностей безопасности и справедливости. Действительно, для поддержки существования и воспроизводства социума этой ценностно-нормативной среды вполне достаточно. Однако в европейской цивилизации, начиная с Возрождения и далее – в Новое и Новейшее время (модерна и постмодерна) была сделана акцентированная ставка на ценность свободы как гарантии свободной самореализации личности – главного мотора экономического развития, а также развития науки, искусства, других сфер общественной жизни. Именно свобода и творчество обеспечивают не только адаптацию социальной системы к изменяющимся условиям, но и позволяют менять сами эти условия.

Этот комплекс идей положен в основу концепции человеческого развития как перехода от материальных ценностей выживания к «нематериалистическим» ценностям свободной самореализации [15], лежащей в основе многолетнего международного исследования World Value Survey, подтверждавшего идею общего движения по этой ценностной оси.

Если дополнить ценностную ось нормативной, связанной с конкретизацией ценности справедливости, то возникает система координат, открывающая более полные возможности анализа. В этой ценностно-нормативной системе координат между безопасностью и свободой, задаваемой реализующими их нормами справедливости, была предложена ценностно-нормативная модель политической культуры, позволившая определить в этом пространстве соотношение основных политических идеологий и концептов фундаментализма, этатизма, анархизма, либерализма,

¹³ Фокин К. Эпоха карантина глазами 25-летних // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/29/84585-dostatochno-li-blizko-rvutsya-snaryady> (Дата доступа: 10.04.2020).

социал-демократии и национал-социализма, строить профили политических культур, проследить их динамику [16].

Данная модель дает наглядное представление о роли справедливости как переменной на ценностной оси. В спокойной, стабильной ситуации она сдвигается в стороны свободной самореализации членов общества. В кризисной, опасной ситуации (катастрофа, война, чрезвычайная ситуация) нормативные представления смещаются в стороны безопасности, нередко в ущерб гарантиям свободы и прав индивидов. Данное замечание важно для понимания дальнейшего анализа как истории с коронавирусом, так и ее цивилизационно-политического контекста. контекста изложения.

Вирусная пандемия, карантинные меры, полицейские санкции по отношению к нарушителям режима самоизоляции хорошо объясняются в ценностно-нормативной модели. Так же как и возмущение правозащитников в России и во всем мире принимаемыми властями решениями, внеконституционными действиями, нарушающими права человека. Каждое государство вынуждено по-своему решать дилемму соблюдения прав человека (включая свободу передвижения, ведения бизнеса) и сохранения человеческих жизней. Ситуация лишней раз подтвердила относительность институциональной среды как от сложившихся ценностно-нормативных стереотипов, так и от опасности вызовов, возникающих перед социумом. В ситуации массовой экзистенциальной угрозы рациональный выбор финансово-экономической маржи отходит на второй план.

Однако масштаб и степень радикальности ценностно-нормативного сдвига в случае с пандемией COVID-19 будут непонятными и даже шокирующими, если не учитывать цивилизационный фон и контекст, в котором они реализовались, вступая с ними в положительную обратную связь взаимного усиления и стимулирования.

С начала 2000-х, по данным World Value Survey, наметилась нарастающая динамика ценностей, встречаемая по отношению к тренду, доминировавшему вторую половину XX столетия [17]. В политической жизни это выражалось в «правом повороте» электорального поведения в Европе и США, кризисных явлениях в Европейском союзе (Brexit Соединенного Королевства, проблемы беженцев, этнические конфликты, проблемы кредитования греческой экономики и т. д.), кризисе упрощенно понятых программ мультикультурализма и толерантности.

Наметилось повышение роли национальных государств, дополняемая ростом этно-национальной активности, доходящей до сепаратистских требований в странах с выглядевшими до этого стабильными политическими режимами (Бельгия, Испания, Италия, Соединенное Королевство). Этот тренд улавливается в современной художественной культуре – прежде всего, в кино и литературе.

Обоснование этого процесса заговором «мирового правительства», конечно может объяснить все и сразу – недаром это объяснение часто всплывало и на «стадии гнева» коронавирус-дискурса. И политика дает основания для такого искушения. Базовой ценностью безопасности нередко пользуются политики, призывая «сплотиться вокруг мудрого руководства», «не менять лошадей на переправе». Действительно, консолидировать общество перед лицом реальной опасности, реального (или выдуманного) врага намного легче, чем на конструктивной позитивной основе.

Однако ситуация видится глубже, шире и объективней. Чем более развита социальная (и не только) система, чем более сложный характер она носит, тем более уязвимой она становится. Это впервые наглядно всему миру продемонстрировала страшная трагедия 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда достижения цивилизации (самолеты, небоскребы) стали средствами самого масштабного в истории террористического акта.

Современный социум и его образ жизни являются буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Человек есть мера всех вещей», «Все на благо человека, все во имя человека!» Перефразируя известный советский анекдот, можно сказать, что мы знаем этого человека. Это каждый из нас. Кластеризация рынков достигла индивида: машину

тьюнингуют под тебя, архитектура компьютера, fashion формируются под индивидуальные потребности. Современный маркетинг позволяет не только реализовать, но и стимулировать любые потребности. Из этого следует несколько важных обстоятельств.

Во-первых, этому обществу и каждому его члену есть что терять.

Во-вторых, любые достижения современной цивилизации: почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водохранилища, все средства транспорта и коммуникации – могут быть использованы для ее же разрушения.

В-третьих, в отличие от традиционного общества, где ценности выстроены иерархически (от простейших физиологических до ценностей трансцендентных), в этом социуме все ценности (включая трансцендентные) приведены к общему знаменателю маркетизации, фактически становясь рубриками рынка массового потребления. Эта культура имманентна и самодостаточна.

В-четвертых, вследствие самодостаточности эта культура не нуждается в образе будущего: сплошные сиквелы, приквелы, пародии, перепевы, а место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Расширение смыслов подменяется накоплением разнообразия, фрактализацией настоящего и прошлого. Более того, это общество боится будущего.

В-пятых, современное общество как общество воплощенной программы секуляризма, вступило в постсекулярную стадию, когда имманентность, отсутствие образа будущего порождают боязнь потерять настоящее. Этому обществу есть что терять.

Поэтому аларм и хоррор – это состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего. И это хорошо известно из истории: чем более развита цивилизация, чем выше качество жизни, тем более общество уязвимо, тем больше в нем накапливается фобий, которые становятся не только предметом психиатрии, эстетического осмысления, духовных поисков... Эта тенденция ясно и ярко представлена в современных культурных индустриях, где сложились жанры и соответствующие рынки хоррора в массовой литературе, экранной культуре, развлечениях.

Хорроризация используется и даже усиливается в современных политических практиках. Среди политологов и политиков почти аксиоматически принимается концепция Карла Шмитта, согласно которой сам феномен политического связан с противостоянием врагу. Поэтому хоррор как сознательное и бессознательное стремление к безопасности нередко формируется в политических целях, и не только террористами: нагнетание тревог, алармизма, формирование образа коварных «врагов» – колоссальный потенциал манипулирования общественным сознанием и поведением, в том числе с использованием возможностей современных информационных технологий, включая старые и новые медиа.

Политический класс, пришедший к власти на хорроре, в дальнейшем вынужден позиционировать себя в целях легитимности исключительно в контексте «борьбы с врагом» – внешним и внутренним, конкретизируя символическую политику в соответствующем идеологическом контенте. Толпы охранников, в том числе в офисах, общественном транспорте, постоянные призывы быть бдительными к «подозрительным предметам», странному поведению пассажиров и прохожих только завершают картину аларма и хорроризации социальной жизни.

Можно сказать, что если на первых стадиях социогенеза хоррор носит (условно говоря) «естественный» характер страха перед неопределенностью и стихиями естественной, природной среды, то на стадии постиндустриального общества массового потребления возникает хоррор «второго порядка». Речь идет о страхе утраты благополучного настоящего, рационально созданной искусственной среды, с одной стороны, а с другой – об искусственно создаваемом и культивируемом хорроре, в конечном счете – политической хорроризации.

В этом плане коронавирусная пандемия не только полностью вписывается в этот общий глобальный цивилизационный тренд. Она его кратно усилила.

Ответственность как основа безопасности и свободы

Профилактика и преодоление последствий хорроризации могут быть связаны с формированием не только «сплывающего» доверия к «нашим», но и доверия, «наводящего мосты» между представителями разных групп населения. Однако опыт (не только российский) показывает, что решение таких задач не является главными политическими целями политических элит и политического класса в целом.

Параллельно с масштабной хорроризацией прорастает ее альтернатива, ясно выраженная в обозначенной тенденции публичного коронавирусного дискурса, — запросе на взвешенное ответственное слово или даже молчание. Речь идет о проявлении личностной свободы как ответственности.

Это ставит задачу не только осмысления происходящего, но и более глубокой проработки концептуального аппарата такого осмысления. Прежде всего речь идет о природе и содержании идеи свободы. Будучи связанной с феноменом самосознания и сугубо человеческого измерения бытия (вне человека, наделенного самосознанием, в мире существуют только причинно-следственные связи), свобода обладает «богоподобным» качеством внебытийного и добытийного начала бытия (Н.А. Бердяев), «дыры в бытии» (Ж.-П. Сартр). И хотя давно прослеживалась связь между свободой и ответственностью, и даже фундаментальной ролью последней (М.М. Бахтин), это трактовалось как теологическая по корням метафизика нравственности.

Нейрофизиологические исследования мозга, когнитивных процессов в нейронных сетях убедительно подтвердили хорошо известное из воспитательной и образовательной практики обстоятельство: самосознание формируется только в результате коммуникативного взаимодействия личности с окружающими, когда человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая их на него самого, делая его *causa sui* — активным и вменяемым актором [11]. «Это не чашка упала, а ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить — уронил». «Другие» (родители, близкие, друзья, учителя, коллеги, просто окружающие) в процессе коммуникации постоянно «грузят» нас ответственностью. В этом вменении ответственности заключаются семейное воспитание, образование, профессиональное обучение и подготовка. Следствием этого является формирование и закрепление в нейронных сетях памяти одновременно с освоением членораздельной речи — как нарративов опыта «от первого лица». Способность воспроизводить такие нарративы формируется к шести годам жизни. Это и есть способность, и есть самосознание как способность к рефлексии. [9, 10, 18]. В этом плане принципиально правы М.М. Бахтин и Р. Кейн, утверждающие фундаментальную первичность ответственности, вторичность, производность свободы от ответственности, что разум суть выражение меры и глубины ответственности — включения и возможности влияния на окружающее [2, 18].

Вторичность свободы по отношению к ответственности проявляется и в современных политических реалиях. Именно это и выявилось на упоминавшемся ранее Круглом столе «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности»: последствия непродуманной гипертрофированной пропаганды прав человека без учета роли и значения ответственности, что стимулирует ресентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию. Организаторы выставок, постановщики спектаклей, писатели, журналисты неожиданно узнают, что их действия вызвали «оскорбление чувств» верующих, этнических, даже профессиональных групп, от имени которых выставляются претензии, заявления в правоохранительные органы, подаются иски в суды, а то и устраиваются погромы. Целые страны обижаются на публикации карикатур, объявляют травлю их авторов, а то и охоту на них, оборачивающуюся кровавой бойней, как это было с журналистами французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*. Вспоминаются объятия и поцелуи 40-летней давности, предъявляются иски на миллионы долларов, общественное мнение вынуждает отстранять от публичной деятельности актеров, режиссеров, продюсеров, менеджеров. Известны случаи претензий родителям со стороны их первенцев, заявляющих, что рождение

еще одного ребенка без их согласия нарушает их права, и чтобы родители на их помощь «в этом проекте» не рассчитывали [13].

Странную ситуацию создает и непродуманное педалирование развития института омбудсменов (уполномоченных по правам человека). Создание таких должностей и их аппарата на содержании государственных и региональных бюджетов, с одной стороны, дает возможность чиновникам отсылать ущемленных в правах в специально созданную для рассмотрения таких обращений инстанцию, а с другой – возможность синекур для «достойных людей». Что и произошло, например, в Российской Федерации. Несомненно, некоторые омбудсмены относятся к этой работе очень ответственно, отдавая ей много сил, пытаясь участвовать в решении важных вопросов для судеб конкретных людей. Однако ситуация при этом вполне соответствует правилу «мало сделаешь – никто не заметит, много сделаешь – никто не похвалит». Получается, что все сводится к личности уполномоченного по правам человека, становится делом их морального выбора и взятого на себя долга.

Более того, появились уполномоченные по правам бизнеса, уполномоченные по правам детей, уполномоченные по правам студентов. На очереди уполномоченные по правам женщин. И это в дополнение к уполномоченным по правам человека! Уже обсуждается вопрос об уполномоченных по правам животных... Складывается ситуация, когда благое начинание институционализации прав человека оборачивается «институциональным склерозом» [19], к опасности которого мы еще вернемся.

Интернет дал дополнительные импульсы к пониманию роли ответственности, выявив главный этико-правовой, если не антропологический парадокс современной социальной жизни, разведя полюса права личности на свободу слова и права личности на тайну личной жизни, защиту репутации и прочую безопасность. Наконец, важный штрих, если не точку, в этом сюжете поставили биополитические следствия борьбы с пандемией коронавирусной инфекции, которая радикально меняет мировой политический ландшафт. Речь идет не просто о реванше национальных государств у глобализированной экономики в духе чеканной пушкинской формулы: «Всё мое», – сказала злато; // «Всё мое», – сказал булат. // «Всё куплю», – сказала злато; // «Всё возьму», – сказал булат». Серьезным вызовам подверглись российский федерализм, Европейский союз, члены которого обменялись взаимными упреками.

У нас на глазах изменяется смысловая картина мира, открывающая глубинный смысл и природе свободы воли.

Позитивная парресия «догнала» публичный дискурс?

В новейшей философии также диагностируется формирование нового мировоззрения, миропонимания и мироощущения, сменяющего постмодернистский деконструктивизм и иронию. Речь идет о так называемом метамодернизме с его переходом от тотального отстранения смыслов к их новому монтажу, новой целостности и цельности, а главное – искренности [20–22]. Речь идет не о наивности и романтизме, а о том, что современный художник, политик, ученый, любой человек, претендующий на высказывание своей позиции, своей точки зрения, выступает в этих новых условиях, фактически, как античный парресор, ответственно, с открытым сердцем говорящий (возможно – горькую) правду «городу и миру». И, если он «берет слово», то сам этот факт, как и публично произнесенное (написанное) слово выступает как поступок [11] вменяемого актора, понимающего меру и глубину своего «не алиби в бытии» (М.М. Бахтин). А в условиях тотальной медиализации в цифровом формате эта ответственность обретает все новые и новые измерения, являющиеся серьезнейшими вызовами традиционным представлениям о морали и праве.

До самого последнего времени доминантной выступала характеристика парресии как анахронизма, «бесстрашной речи» (*fearless speech*), уместной в Античности, но не в современности, для

которой характерна свобода слова (*freedom of speech*). Эти два концепта даже иногда противопоставляются друг другу на том основании, что для современного социума характерны институты либеральной демократии с ее фундаментальными правовыми гарантиями свободы слова и совести как гарантиями человеческого бытия как такового. Дело даже доходит до альтернативы выбора между популистским авторитарным режимом с парресией и демократией со свободой слова [23], а претензии на паррессию рассматриваются как угроза: когда права всех становятся привилегией немногих, ни свобода, ни равенство не могут длиться долго¹⁴.

В свое время М. Олсон диагностировал последствия гипертрофии демократических прав и процедур как «институциональный склероз» [19]. И пандемия COVID-19 ярко подтвердила этот диагноз. Пандемия относительно успешно была остановлена в КНР, Сингапуре, Республике Корея и жестко накрыла Италию, Францию, Соединенное Королевство, Швецию и США. Дело оказалось связанным не только с централизацией системы здравоохранения и других властных институтов, более эффективной именно в кризисных ситуациях. Решающим моментом оказалась смысловая картина мира, транслируемая в общественном сознании, «склеротически долго» (в смысле М. Олсона) пребывавшего в упомянутой выше «стадии отрицания».

Как показала аналитика Фуко, парресия может проявляться в двух планах: негативном и позитивном. В первом случае парресор высказывает нечто решительно, не стыдясь возможных упреков в недостоверности сказанного. Такая парресия свойственна политикам-популистам и медийным персонажам, зарабатывающим паблисити в стилистике эпатажа и скандала. Во втором (позитивном) случае парресия свойственна экспертам, журналистам и блогерам, представляющим достоверную и критическую информацию, разоблачающую иногда не только популистскую пост-правду, но и сложившиеся стереотипы. И в 1970-1980-х гг. М. Фуко не видел перспектив вычленения позитивной парресии перед накатывавшим валом парресии негативной.

В Античности (первое упоминание парресии встречается в трагедии Еврипида «Ион») парресия была связана с «изегорией» (равенством речи) и «изономией» (равным участием свободных граждан полиса в осуществлении власти). Благодаря этому парресор «брал слово» во всем контексте (политическом, экономическом, моральном, религиозном) жизни социума прямой демократии агоры [24]. И для некоторых парресоров, как известно из случая с Сократом, это заканчивалось печально.

В этой связи можно признать, что негативная парресия (как и связанные с нею фейки и пост-правда) суть следствие институционального склероза гипертрофированных прав на свободу безответственного слова на ранних стадиях Web-пространства. Поэтому рано или поздно, но должен был вызреть запрос на коррекцию негативной парресии, нарушающей человеческое достоинство, угрожающей репутации, благополучию, а то и жизни других людей. Он вызревает вместе с указанной выше динамикой становления «метамодернистской культуральной парадигмы». Цифровизация публичной коммуникации только усиливает и закрепляет данный тренд. При этом стрессовые ситуации, особенно столь глобальные, как коронавирусная пандемия, усиливают вызревание тренда на позитивную паррессию, не только корректирующую негативную паррессию, но и репрезентирующую конструктивные позитивные образцы, что делает эти нарративы нравственными перформативами. Реализация такой парресии становится важнейшим фактором противостояния опасным популистским решениям «харизматичных» лидеров, в том числе в плане противостояния экзистенциальным опасностям [25].

Если перефразировать Ю. Хабермаса [26], то в условиях пандемии политика догоняет и догнала глобализированную экономику. Под вопрос ставятся не рыночные котировки, а жизни конкретных людей и даже групп людей. В такой ситуации возникает «изегория» и «изономия» перед лицом экзистенциальной угрозы, которую негативная парресия только усиливает, приводя

¹⁴ Bejan T.M. The Two Clashing Meanings of 'Free Speech' // URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/12/two-concepts-of-free-speech/546791/> (Дата обращения: 12.04.2020).

к неадекватным решениям и действиям, а остро востребованным становится «позитивный парресор». Он может подвергнуться преследованиям (например, Д. Ассанж, Э. Сноуден, Б. Немцов, А. Навальный или врачи из Ухани, первыми забившие тревогу), доносимое ими слово не сразу становится признанным фактом. Но это не означает, что взятое ими слово не является социально значимым.

В современном цифровизованном информационном обществе позитивная парресия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг «берущих слово».

Ergo

Проведенное рассмотрение позволяет констатировать обострившееся противоречие в практике современного публичного дискурса между правом на свободу слова и техническими возможностями его выражения, с одной стороны, и критической массой неоднозначных текстов, порождающей необходимость ее фильтрации, с другой стороны. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль играют самоограничение и личная ответственность. Более того, в кризисных ситуациях возникает запрос на ответственное слово не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и со стороны их аудитории, отдельных пользователей. Можно сказать, что античная парресия возвращается в новом формате.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-18-00442.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фуко М.** Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010. 384 с.
2. **Бахтин М.М.** К философии поступка. Философия и социология техники. Ежегодник. 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. **Лотман Ю.М.** К проблеме типологии культуры // Труды по знаковым системам III. Тарту: ТГУ, 1967. С. 30–38.
4. **Halliday M.A.K.** Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning. Baltimore (Maryland): University Park Press, 1978. 256 p.
5. **Hodge R., Kress G.** Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988. 280 p.
6. **Leeuwen T. van.** Introducing social semiotics. N.Y., London: Routledge, 2005. 320 p.
7. **Randviir A.** Mapping the world: Towards a sociosemiotic approach to culture. Tartu: Tartu University, 2004. 162 p.
8. **Тульчинский Г.Л.** Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115–125.
9. **Damasio A.** Self comes to mind: Constructing the conscious brain. N.Y.: Pantheon, 2010. 367 p.
10. **Dennett D.** Freedom evolves. N.Y., London: Penguin Books, 2003. 347 p.
11. **Тульчинский Г.Л.** Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.
12. **Гройс Б.** В потоке. М.: Ад Маргинем, 2016. 208 с.
13. **Кривенко С.** (сост.) Материалы дискуссий российских правозащитников, экспертов и ученых в 2019 году. М.: Изд. коалиции правозащитников, 2019. 124 с.
14. **Kübler-Ross E.** On death and dying. N.Y.: Scribner, 2014. 304 p.
15. **Inglehart R., Welzel Ch.** Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
16. **Тульчинский Г.Л.** Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // Философские науки. 2013. № 1. С. 24–38.
17. **Welzel Ch.** Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. 472 p.
18. **Kane R.H.** A Contemporary introduction to free will. Oxford: Oxford University Press, 2005. 208 p.

19. **Olson M.** The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation, and social rigidities. New Haven (CT): Yale University Press, 1982. 273 p.
20. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)*. Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield, 2017. 260 p.
21. **Vermeulen T., van den Akker R.** Notes on metamodernism // *J. of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. Pp. 1–14.
22. **Павлов А.** Образы современности в XXI веке: метамодернизм // *Логос*. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
23. Karadut I.C. Truth-telling in the era of post-truth: Two cases of parrhesia for democracy // *The Internet, Policy & Politics Conference 2018*. Oxford Internet Institute (OII) / University of Oxford // URL: <http://blogs.oii.ox.ac.uk/policy/wp-content/uploads/sites/77/2018/08/IPP2018-Karadut.pdf> (Дата обращения: 12.04.2020).
24. **Walzer A.E.** Parrhesia, foucault, and the classical rhetorical tradition // *Rhetoric Society Quarterly*. 2013. Vol. 43(1). Pp. 1–21.
25. **Sparks M.** Promoting health in a post-truth world // *Health Promotion International*. 2017. Vol. 32. Issue 4. Pp. 599–602.
26. **Habermas J.** *Postnational constellation: Political essays*. Cambridge (MA): MIT Press, 2001. 216 p.

Статья поступила в редакцию 12.03.2020.

REFERENCES

- [1] **M. Foucault**, *Rech i istina. Lektsii o paresii (1982–1983)* [Speech and Truth. Lectures on parrhesia (1982–1983)]. Moscow: Publishing House Delo, RANEPА, 2010. 384 p. (In Russian)
- [2] **M.M. Bakhtin**, *К философии поступка. Filosofiya i sotsiologiya tekhniki* [To the philosophy of action]. Philosophy and sociology of technology. Yearbook. 1984–1985. Moscow: Nauka, 1986, p. 80–160. (In Russian)
- [3] **Yu.M. Lotman**, *К проблеме типологии культуры* [On the problem of typology of culture]. Proceedings on Sign Systems III. Tartu: TSU, 1967, p. 30–38. (In Russian)
- [4] **M.A.K. Halliday**, *Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning*. Baltimore (Maryland): University Park Press, 1978. 256 p.
- [5] **R. Hodge, G. Kress**, *Social Semiotics*. Cambridge: Polity, 1988. 280p.
- [6] **T. van Leeuwen**, *Introducing Social Semiotics*. N.Y., London: Routledge, 2005. 320 p.
- [7] **A. Randviir**, *Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture*. Tartu: Tartu University, 2004. 162 p.
- [8] **G.L. Tulchinskii**, *Rasshireniye vozmozhnostey semioticheskogo analiza: istochniki i sodержaniye kontseptsii «glubokoy semiotiki»* [Expanding the possibilities of semiotic analysis: sources and content of the concept of “deep semiotics”]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2019, No. 11, pp. 115–125. (In Russian)
- [9] **A. Damasio**, *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*, N.Y.: Pantheon, 2010. 367 p.
- [10] **G.L. Tulchinskii**, *Filosofiya postupka: samoopredeleniye lichnosti v sovremennom obshchestve* [Philosophy of action: self-determination of personality in modern society]. St. Petersburg: Aletheia, 2020. 826 p. (In Russian)
- [11] **D. Dennett**, *Freedom Evolves*. N.Y., London: Penguin Books, 2003. 347 p.
- [12] **B. Groys**, *V potoke* [In the stream]. Moscow: Ad Marginem, 2016. 208 p. (In Russian)
- [13] **S. Krivenko**, (comp.) *Materialy diskussiy rossiyskikh pravozashchitnikov, ekspertov i uchenykh v 2019 godu* [Discussion materials of Russian human rights defenders, experts and scientists in 2019]. Moscow: Publishing of human rights defenders coalition, 2019. 124 p. (In Russian)
- [14] **E. Kübler-Ross**, *On death and dying*. N.Y.: Scribner, 2014. 304 p.
- [15] **R. Inglehart & Ch. Welzel**, *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
- [16] **G.L. Tulchinskii**, *Politicheskaya kultura na osyakh tsennostno normativnoy modeli sotsiogeneza* [Political culture on the axes of the value-normative model of sociogenesis]. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences]. 1 (2013) 24–38. (In Russian)

- [17] **Ch. Welzel**, *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. 472 p.
- [18] **R.H. Kane**, *A Contemporary Introduction to Free Will*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 208 p.
- [19] **M. Olson**, *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. New Haven (CT): Yale University Press, 1982. 273 p.
- [20] *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)* /eds R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen). Lanham (Maryland): Rowman & Littlefield, 2017. 260 p.
- [21] **T. Vermeulen, R. van den Akker**, Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2 (2010) 1–14.
- [22] **A. Pavlov**, *Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm [Images of the present in the 21st century: metamodernism]*. *Logos*. 28 (6) (2018) 1–19. (In Russian)
- [23] **I.C. Karadut**, Truth-Telling in the Era of Post-Truth: Two Cases of Parrhesia for Democracy. *The Internet, Policy & Politics Conference 2018*. Oxford Internet Institute (OII) / University of Oxford. Available: <http://blogs.oii.ox.ac.uk/policy/wp-content/uploads/sites/77/2018/08/IPP2018-Karadut.pdf> (Accessed: 12.04.2020).
- [24] **A.E. Walzer**, Parrhesia, Foucault, and the Classical Rhetorical Tradition. *Rhetoric Society Quarterly*. 43(1) (2013) 1–21.
- [25] **M. Sparks**, Promoting health in a post-truth world. *Health Promotion International*. 32 (4) (2017) 599–602.
- [26] **J. Habermas**, *Postnational Constellation: Political Essays*. Cambridge (MA): MIT Press. 2001. 216 p.

Received 12.03.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Тульчинский Григорий Львович
Tulchinskii Grigorii L.
E-mail: gtul@mail.ru